

На бумаге чернели всего два слова. Написанные мягкой, почти небрежной вязью, они веяли недавним ночным жаром и какой-то тягучей нежностью.

Два слова: «Не убивать».

В тот миг Ли Цюань почувствовал себя тряпичной куклой, которую неведомая сила то подбрасывает в небеса, то с размаху втаптывает в грязь. С ним играли, его сминали и расправляли по прихоти этого господина Цзяна, и теперь у него не осталось сил даже на слезы.

***

Столица. Поместье Премьер-министра

Цзян Сяо вольно расположился в кабинете своего господина. Опершись на оконную раму, он вертел в пальцах багряный лист, тронутый первыми заморозками. Дорогое шелковое одеяние казалось безупречно чистым, не запятнанным дорожной пылью. Он полуулыбнулся, а его светлые глаза на солнце сияли, точно драгоценный люли, но за этим блеском скрывалась опасная, порочная аура.

Полдень был уже близок, и Принцу-регенту пора бы вернуться с утреннего приема во дворе. И действительно, стоило Цзян Сяо об этом подумать, как в воротах показался Цзян Динхэн. Вид у него был изможденный, шагал он медленно, не скрывая усталости.

— Что на этот раз? — Цзян Сяо подошел к нему, помог снять тяжелое официальное облачение и принялся разминать затекшие плечи министра. — Снова кто-то посмел досадить вам?

Цзян Динхэн на мгновение замер, но лишь тяжело и безнадежно вздохнул:

— Просто государственные дела. Обычные дразги.

— Дразги? В зале заседаний? — Цзян Сяо насмешливо вскинул бровь. — Опять военный министр ставит вам палки в колеса?

Цзян Динхэн промолчал.

— Тц-тц, господин премьер-министр, — протянул Сяо, — позвольте мне самому взяться за это. Один удар клинком — и все проблемы разом канут в небытие...

— Цзян Сяо! — раздался резкий окрик. Гнев исказил обычно кроткое, подобно нефриту, лицо министра. Динхэн резко встал, отстраняясь. — Он — мой соратник, почтенный муж и опора государства. Не смей болтать лишнего!

Цзян Сяо лишь холодно усмехнулся:

— Вы щадите его из чувства товарищества, господин министр. А он? Он хоть раз пощадил вас?

Цзян Динхэн помрачнел. Он коснулся расшитого черными мангустами рукава и не проронил ни слова.

— На людях, в тронном зале, он осыпает вас насмешками, клеветет и заваливает ложными обвинениями, — продолжал Цзян Сяо. — А в тени... Скажите, Ваше Превосходительство, если бы не я, сколько раз вы бы уже отправились пить чай к самому Янь-вану?

— И все же... — Динхэн заколебался, но вновь покачал головой. — Талант господина Фана превосходит мой, он предан империи Цзинь всем сердцем. В этом — благо нашего государства. Просто... он выбрал неверный путь.

Цзян Сяо скрестил руки на груди, с насмешливым сочувствием глядя на этого святошуминистра.

— О мой добрый господин! В глазах всех остальных вы — предатель, мятежный чиновник, который ради собственного покоя и усад готов продать и страну, и государя!

— Справедливость живет в сердцах людей, — твердо ответил Цзян Динхэн. — Цзян Сяо, пойми, эту войну нельзя продолжать. Больше нельзя!

— Неужели династия Цзинь для вас настолько важна? — вкрадчиво спросил Сяо. — Неужели она стоит того, чтобы вы так изводили себя?

— Безусловно, — последовал спокойный, размеренный ответ, прозвучавший как незыблемый закон мироздания. За все годы их знакомства Цзян Сяо ни разу не видел, чтобы этот человек дрогнул.

Слышать это раз за разом было невыносимо горько.

— И все же вы слишком честный человек, Ваше Превосходительство. Не умеете вовремя отступить. Военный министр куда умнее вас: он отправил своего единственного, драгоценного наследника подальше от столицы вместе с маркизом Чжэньюанем, чтобы уберечь его. А вы? Вы печетесь лишь об интересах своего племянника-императора.

Эти слова явно задели Динхэна за живое. Лицо его вспыхнуло, он неловко отвернулся.

Цзян Сяо снисходительно улыбнулся и резко сменил тему:

— Да, кстати. Я отозвал приказ «смерть». Пусть Ли Цюань остается тайным агентом и послушной тенью при Фань Ло. Пустим дело на самотек.

Цзян Динхэн вздрогнул и быстро обернулся:

— Почему?

Видя его тревогу, Цзян Сяо забавлялся. Он мягко усадил министра обратно в кресло и, вновь разминая ему плечи, пояснил:

— Вчера пришло срочное послание от маркиза Сяояо. Он хочет, чтобы Фань Ло остался в живых до их встречи.

— Фань Ло нельзя оставлять в живых! — Динхэн нахмурился, его лицо стало суровым. — Если когда-нибудь он переметнется к западным варварам, это станет смертельной угрозой для империи Цзинь!

Цзян Сяо прекрасно понимал его опасения. Фань Ло воевал с четырнадцати лет, на его счету были великие победы, он мастерски командовал людьми — истинный гений войны. Пока он служил Цзинь, он был опорой, но если он окажется по ту сторону границы...

Цзян Сяо склонился к самому уху министра и прошептал:

— Мы лишь обеспечим им встречу. А что будет потом... в этом переменчивом мире никто ничего не может гарантировать.

Цзян Динхэн посмотрел на него с лихорадочным блеском, в котором смешались изумление, сомнение и внезапная жестокая решимость. В конце концов он закрыл глаза и не проронил ни звука.

Глядя на эту величественную, непоколебимую фигуру, Цзян Сяо почувствовал горечь в душе.

«О господин премьер-министр, — подумал он, — если бы мир действительно делился только на добро и зло, насколько проще бы нам жилось?»

***

Впрочем, терзания господина Цзяна не долетали до далекого пограничья, где находился Ли Цюань. Маленький солдат сидел на земле, глупо улыбаясь. Он проглотил клочок бумаги и с радостью принялся собирать вещи.

Господин Цзян отменил приказ, и пусть немой не знал, какую игру затеяли наверху, ему было все равно. Он знал одно: ему больше не нужно думать, как погубить генерала. Разве этого мало? Его не заботило будущее, он жил лишь нынешним мгновением.

Так же, как когда-то в их захудалой деревушке, он за руку вел сестренку — день за днем. Он и рад бы был заглянуть в завтрашний день, да только пустой кошелек не оставлял места для мечтаний.

Дни складывались в годы, и Ли Цюань выжил. В нем укоренилась эта странная беспечность, не то дар, не то проклятие. Сейчас он был просто солдатом и слушал только своего генерала. Скажут идти на восток — пойдет на восток, скажут повернуть на запад — безропотно развернется и побежит следом.

Будущее подождет. Нечего забивать себе голову!

Все-таки солдат — это всего лишь солдат. Ему куда легче, чем помощникам генерала, которые изнывали от душных дум, размышляя о стратегии и преследовании врага.

У Ян Цзо голова раскалывалась. Его терзал вид двадцатитысячного войска Западных варваров, терзали раны генерала, терзало беспокойство Вэй Ю, который готов был круглыми сутками дежурить у генеральского шатра.

Но сильнее всего его мучил вопрос продовольствия для десятитысячного войска Чжэньюань.

Стояла глубокая осень, пора сбора урожая. Пока армия находилась на землях Великой Цзинь, это не должно было стать проблемой. Но беда пришла оттуда, откуда Ян Цзо меньше всего ожидал.

Армия Чжэньюань изначально шла в Ичжоу, и запасы продовольствия были рассчитаны именно на этот поход. Но когда театр военных действий переместился в Ючжоу, припасы стали таять на глазах.

Благо, когда пришел указ императора, военный министр пообещал, что обоз с зерном прибудет следом, так что волноваться не о чем.

И вот теперь, когда из кухни доложили, что еды осталось всего на десять дней, Ян Цзо не почувствовал даже сладостного запаха рисового отвара. Обоза не было.

— Генерал, Западные варвары тянут время намеренно, — Ян Цзо выглядел необычайно серьезным. — Они отступают вдоль границы, водят нас кругами, но не уходят на свою территорию. Они хотят дожидаться, пока у нас кончится провизия! Генерал, нам нужно отступить.

— Погоди, — подал голос Фан Уби. С тех пор как уехал Бай Фэн, молодой господин часто плакал, но сейчас он выглядел бодрее, хотя тень печали все еще лежала на его лице.

Помахивая веером из перьев, он прервал Ян Цзо:

— Отступить, даже не вступив в бой? Это же позор для Великой Цзинь! К тому же мой отец обязательно пришлет провизию. Я его единственный сын в трех поколениях, он не даст мне умереть с голоду.

Ян Цзо лишь печально улыбнулся:

— Советник Фан, если бы зерно могли доставить, оно бы уже давно было здесь.

— Что ты имеешь в виду?

— Небо высоко, а император далеко. Даже если у военного министра благие намерения, его руки здесь коротки, — Ян Цзо посерьезнел. — Продовольствие идет из столицы, через сколько застав и заслонов оно должно пройти? А на этих заставах... сколько людей премьер-министра?

Фан Уби замер, и его веер задвигался быстрее, словно пытаясь выветрить из головы тревожные мысли.

Второй помощник, Вэй Ю, тоже не выдержал:

— Твою мать! Этот старый лис и правда сговорился с варварами! Генерал! Позвольте мне взять ребят из правого лагеря, мы дадим им бой и собьем с них спесь!

Ян Цзо горько усмехнулся:

— Вэй Ю, идти в лоб на превосходящие силы врага, когда мы не знаем, какие ловушки они приготовили... на что ты надеешься?

— Но... это же... так малодушно... — пробормотал Вэй Ю, глядя на Ян Цзо, у которого за последние дни прибавилось седины, и затих.

— Генерал, уходим! — взмолился Ян Цзо. — Еще немного, и боевой дух рухнет!

Фань Ло молчал. Все это время он не отрывал взгляда от карты империи. Его левая, здоровая рука медленно скользнула от столицы к Ичжоу. Движение на миг замерло, а затем стремительно ушло на северо-запад, вдоль границы, пока кончик пальца не замер на Ючжоу.

Там он очертил кружок.

— Генерал?

Фань Ло обернулся. Он холодно посмотрел на Ян Цзо. Он произнес лишь одно слово:

— Ждать.

— Ждать? — быстро переспросил Ян Цзо. — Но до каких пор?

Фань Ло не ответил. Он резко провел ладонью у своего горла и с нажимом спросил:

— Отступить?

Ян Цзо замер, словно его только что окатили ледяной водой. Через мгновение он медленно кивнул и глухо вздохнул:

— Да... Верно. Отступать нельзя.

Нельзя! Категорически нельзя! Отступить без боя — значит не только опозорить мощь Великой Цзинь, но и дать врагам в столице идеальный повод для расправы.

Стоит этой вести дойти до императора, и премьер-министр одним лишь словом превратит отступление в государственную измену. Одной святой воли будет достаточно, чтобы погубить их всех.

Теперь Ян Цзо окончательно понял: это была патовая ситуация. Оседлать тигра легко, слезть с него — невозможно.

Придется сражаться, хочет он того или нет.

Фан Уби и Вэй Ю по-прежнему ничего не понимали. Они переглядывались, переводя взгляд с генерала на Ян Цзо.

— Так что делать? Ждать или уходить?

Фань Ло поднял голову. Он посмотрел на ряды воинов Великой Цзинь за пределами шатра. Осенний ветер нещадно рвал алые знамена, но они лишь расправлялись во всю ширь, стремясь ввысь, точно желая пронзить небо.

Взгляд Фань Ло был ледяным. Помедлив, он повторил:

— Ждать!

Это слово упало тяжким грузом в тысячу цзиней.

В тот же день был издан приказ:

«Всему войску Чжэньюань, невзирая на чины и заслуги, перейти на урезанный паек. Питаться только жидкой кашей трижды в день.

Ослушавшихся приказа — казнить!

Мародеров — казнить!

Сеющих смуту — казнить!»

Три слова «казнить», тяжкие, как гора. Приказ генерала — закон.

<http://bllate.org/book/17414/1662136>